

Сюй Сымяо изначально должен был злобно прыгать перед Хань Сюнем, чтобы привлечь его внимание, но, глядя на его задумчивую спину, ему стало жалко.

Сюй Сымяо, живущий отдельно уже долгое время, начал скучать по Ханю Сюню, который полностью отдавался сценарию.

Сосредоточенный, наивный, даже когда он иногда, мучаясь, почёсывал короткие волосы — всё казалось таким милым.

Поэтому Сюй Сымяо, замороженный спиной Хань Сюня, потянулся к нему издалека, сделал множество фотографий и прождал на его кровати целых четыре часа, пока тот наконец не очнулся.

Сюй Сымяо хотел спать. Он укутался в одеяло Хань Сюня и сказал:

— Дорогой, уже два часа ночи, давай спать.

Эта поза, это движение, невинные глаза щенка — казалось, он сам был таким мягким и милым существом.

Хань Сюнь усмехнулся и спросил:

— Господин Сюй хочет спать здесь?

Сюй Сымяо моргал, улыбался и кивал с особенно послушным, милым и трогательным видом.

Хань Сюнь скрестил руки на груди и сказал:

— Тогда разденься и дай мне проверить товар.

Сюй Сымяо замер. Это требование было слишком знакомым, словно они вернулись к самому началу, когда Хань Сюнь отвечал на его поддразнивания.

Тогда Хань Сюнь был супернежным и даже при проверке товара намеренно поднимал подбородок Сюй Сымяо, показывая насмешливую улыбку: «Не такой большой, как я думал».

Спокойный и уверенный — это был тот Хань Сюнь, которого он знал лучше всего.

Сюй Сымяо хитро улыбнулся, перевернулся и сел, очень старательно потянулся расстегивать пуговицы на рубашке:

— Раз уж это твоё требование, я, конечно, должен его удовлетворить. Только не кричи потом, дорогой...

Однако, когда он расстегнул три пуговицы и ещё не успел снять ничего, одеяло накрыло его с головы.

Хань Сюнь со сценарием в руках вышел наружу, не оставив ни капли жалости.

Сюй Сымяо опешил. Разве не договорились, что только словами, не руками, и будем друзьями всю жизнь? Почему всё изменилось?

Сюй Сымяо с широко распахнутой рубашкой сбросил одеяло с головы и босиком бросился вдогонку:

— Хань Сюнь! Куда ты? Я предупреждаю тебе, не смей идти в бар! Такое место...

Не успел он договорить, как Хань Сюнь бросил на него холодный взгляд.

Сюй Сымяо, который ничего не боялся ни на небе, ни на земле, вдруг испугался Хань Сюня. Он очень быстро поменял лицо, мягко улыбнулся и сказал:

— Там холодно, еда невкусная, легко простудиться, это повлияет на твоё творчество.

Раньше гнев Хань Сюня можно было утихомирить внешностью Сюй Сымяо.

Теперь это не работало.

Хань Сюнь открыл дверь и сказал:

— Слишком поздно, я пойду в бар в другой раз. Раз господину Сюню так нравится эта комната, я перееду в другую. Господин Сюй, оставайся здесь и спокойно развратничай в одиночестве.

Затем закрыл дверь, особенно чисто и решительно.

Сюй Сымяо: ...

Развратничать?

Он развратничает?

Сюй Сымяо был в замешательстве. Неужели просто снял рубашку и словесно пошутил? Это делали много раз, и Хань Сюнь теперь считает, что он слишком развратный?

Хань Сюнь плохо спал, так как поздно читал сценарий.

«Спасение века» — не популярный сценарий, но реплики и сцены в нём очень напряжённые.

Те фразы, которые выходят за рамки возможностей текста, позволяют людям, читавшим сценарий, ясно представить трагическую картину и ещё глубже прочувствовать тщетность этого спасения.

Утром в десять часов Хань Сюнь лежал в постели и совсем не хотел вставать. Он не мог выбраться из цикла смерти «Спасения века», запах крови постепенно наполнял всё тело, даже одеяло казалось холодным, заставляя вспомнить прошлые времена.

Когда-то он лично пережил безнадёжную борьбу со смертью, и до сих пор избегал контакта с фразами, описывающими смерть.

Человек умирает, свет гаснет. Печаль переполнила душу Хань Сюня, всё тело стало пустым, он мог лишь свернуться калачиком, уменьшая потерю тепла.

«Спасение века» было очень заразительным в плане трагедии, что ещё раз доказало, что это не то, что подходит Ханю Сюню, это только заставляло его падать духом и ухудшало состояние.

Что может написать сценарист, погружённый в печаль?

Хань Сюнь внимательно подумал и вдруг самокритично рассмеялся.

Если бы это был он, он бы наверняка написал пантомиму, используя глупое упорство главного героя в борьбе за выживание, чтобы показать чёрный юмор, смешивающий радость и горе жизни.

Вдруг дверь гостиничного номера издала лёгкий механический звук открывания, сопровождаемый щелчком замка, кто-то открыл дверь.

Хотя Хань Сюню совсем не хотелось вставать, он сразу же насторожился и перевернулся, приняв оборонительную позу.

Но, подняв глаза, он обнаружил, что в комнату вкатывает серебряную тележку Сюй Сымяо в розовой рубашке, оттеняющей его здоровую смуглую кожу.

— Я тебя разбудил? — невинным тоном спросил Сюй Сымяо, делая вид, что не знает, какой шум произвёл.

Он мягко сказал:

— В это время как раз завтрак и обед вместе поесть. Попробуй только что приготовленный язык в красном вине.

Хань Сюню казалось это невероятно странным. Неужели этого человека одержал дух? Такое поведение... заставляло хотеть закатить глаза.

Поэтому Хань Сюнь послушался внутреннего голоса и бросил на Сюй Сымяо взгляд презрения.

Сюй Сымяо не только не пришёл в ярость, но и сохранил тот элегантный джентльменский вид, сделав жест приглашения.

Хань Сюнь встал с кровати, посмотрел на шесть горячих блюд на тележке — все были изысканно украшены, вид — первый сорт.

Он спросил:

— Господин Сюй лично приготовил завтрак?

— Я лично контролировал повара, готовившего завтрак, — с гордостью в голосе признался Сюй Сымяо. — Но если ты хочешь съесть то, что приготовил я лично, в следующий раз могу попробовать.

Хань Сюнь ел вкусные блюда шеф-повара и с пренебрежением сказал:

— Что умеет готовить господин Сюй? Тёмную кухню?

— Ты уж меня недооцениваешь, — кончиком пальца Сюй Сымяо дотронулся до тележки. — То, что я готовлю, по крайней мере должно называться серой кухней.

То есть не умеет. Взгляд Хань Сюня выразил понимание, в нём сквозила насмешка.

Сюй Сымяо, конечно, это понял. Он гордо улыбнулся и сказал:

— У меня же есть деньги, зачем мне самому готовить.

Вот она, уверенность богатого.

Хань Сюнь опустил голову, чтобы наесться досыта, переделся, взял сценарий и собрался выходить.

Сюй Сымяо по умолчанию считал, что раз Хань Сюнь поел того, что приготовил он под контролем повара, это был сигнал примирения, настроение стало намного легче.

Он с улыбкой спросил:

— Куда ты? Я тебя подвезу.

— Не нужно, я не привык к твоим роскошным машинам, — сразу отказал Хань Сюнь.

Однако Сюй Сымяо совершенно не был задет, он продолжил с радостью:

— К У Цзяньаню? Он и съёмочная группа живут в маленьком отеле в Чжанцзякоу, тебе лучше назначить ему встречу в кафе поблизости, где окружение получше, чтобы обсудить сценарий.

Хань Сюнь не обратил внимания на его болтовню, открыл дверь и вышел.

Сюй Сымяо крикнул вслед:

— Хани, вечером хочешь хот-пот или жареного ягнёнка целиком? Я приеду за тобой!

— Зачем тебе меня забирать? — Хань Сюнь повернул голову со злой улыбкой. — У меня вечером свидание, идти в бар, искать приключений — очень занят.

Сказав это, он закрыл дверь, плавно и непрерывно, не оставляя Сюй Сымяо шанса возразить.

Сюй Сымяо чуть не перевернул тележку, он же поел, а этот парень ещё не успокоился!

Хань Сюнь и У Цзяньань договорились встретиться в чайном ресторанчике снаружи маленького отеля.

Он не был человеком, который ходит вокруг да около, поэтому прямо спросил:

— Режиссёр У, вам нравится сценарий «Спасение века» или кино с высоким кассовым сбором?

У Цзяньань мог получить приглашение Хань Сюня, естественно, он был очень рад и сказал:

— Мне, конечно, нравится «Спасение века». Кассовые сборы — это не моя цель при создании кино.

Чистый идеалист, не желающий угождать рынку, где доминируют деньги.

Однако капитал поверхностен и реален, включая всех зрителей, которые придут в кино из-за известных режиссёров, сценаристов, актёров и тёплых красивых историй.

У «Спасения века» совсем нет привлекательности для капитала.

Оно привлекло только Хань Сюня, вернувшегося с того света, не желающего, чтобы кто-то отказывался от жизни из-за разбитой кино-мечты.

У Цзяньань был глупым. В глазах Хань Сюня «Спасение века» вообще не стоило одной жизни сценария, но он не мог игнорировать последнюю борьбу идеалиста.

Хань Сюнь сказал:

— Вчера я дочитал сценарий. Если я буду его менять, «Спасение века» полностью станет моим стилем, наполненным шутками и холодным юмором. Хотя в процессе будет немного грусти, финал определённо будет банальным возвращением героя и большим воссоединением, потому что я никогда не пишу трагедии, и зрители тоже не любят трагедии.

Раз уж собирался пробовать, Хань Сюнь, конечно, должен был объяснить ситуацию.

Неожиданно У Цзяньань не имел ни малейшего намерения возражать, кивнул и застенчиво улыбнулся, сказав:

— Можно, учитель Хань, как хотите меняйте, у меня нет мнения.

Хань Сюнь знал, что тот отчаянно надеется, что он возьмётся за сценарий, однако Хань Сюнь безжалостно разбудил этого простого человека.

<http://bllate.org/book/16443/1491242>